

УТЕШЕНИЕ САТИРОЙ: МАРЦИАН КАПЕЛЛА КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИСТОЧНИК ДЛЯ СЕВЕРИНА БОЭЦИЯ

В статье предлагаются аргументы в пользу того, что «Бракосочетание Филологии и Меркурия» Марциана Капеллы послужило одним из важных литературных источников для «Утешения философией» Боэция. На основе анализа двух эпизодов из первой книги «Утешения» показано, что один (явление Философии) имеет явное структурное сходство с эпифаническими сценами у Марциана Капеллы, второй (реплика Философии, уподобляющей Боэция «ослу перед лирой») может иметь источником диалог Автора и Сатиры в восьмой книге «Бракосочетания Филологии и Меркурия».

Ключевые слова: Марциан Капелла, «Бракосочетание Филологии и Меркурия», Боэций, «Утешение философией», Марк Теренций Варрон, мениппова сатира, аллегория.

«Бракосочетание Филологии и Меркурия» Марциана Капеллы – одно из наиболее необычных с точки зрения жанра произведений позднеантичной литературы, соединившее в себе черты научной энциклопедии, аллегорического романа и менипповой сатиры, – в то же время может считаться во многих отношениях одним из наиболее влиятельных литературных сочинений своей эпохи. Наиболее очевидно воздействие Марциана Капеллы на научно-педагогическую традицию ранне-средневековой Европы, где «Бракосочетание Филологии и Меркурия», служившее в течение нескольких столетий популярным учебником «свободных искусств», одновременно становилось образцом, а иногда и источником материала для других энциклопедических сочинений – от «Мифологий» Фульгенция (конец. 5 – нач. 6 в.) и «Этимологий» Исидора Севильского до аллегорической энциклопедии Альфонсо де ла Торре (1435 г.) (Stahl 1971: 56–71). Вместе с тем следы литературного влияния Марциана Капеллы обнаруживаются в сочинениях самых разных жанров, в числе которых – созданные в 6 в. в Ирландии «Гесперийские речения», средневековый французский шантефаль и «Божественная комедия» Данте Алигьери (Stahl 1971: 39, 59; Curtius 2013: 360). К произведениям, созданным под непосредственным влиянием «Бракосочетания

Филологии и Меркурия», нередко относят и такое важное произведение позднеантичной и раннесредневековой литературы, как «Утешение философией» Аниция Манлия Северина Боэция. Подобная точка зрения зафиксирована уже в одной из первых каролингских биографий Боэция, в которой сообщается, что философ, будучи брошен в темницу по приказу короля Теодориха, «написал в заключении произведение в жанре сатиры, подражая Марциану Феликсу Капелле, который прежде в той же поэтической форме написал сочинение о свадьбе Филологии и Меркурия»¹. Автор другой ранней биографии уточняет, что подражание Марциану Капелле состояло в смешанной – поэтико-прозаической – форме произведения². Ряд современных исследователей также придерживается мнения о том, что сама прозаическо-метрическая форма «Утешения философией» – вследствие которой это сочинение нередко относят к жанру сатуры, или менипповой сатиры³ – была избрана Боэцием под влиянием Марциана Капеллы (Courcelle 1967: 17; Pabst 1994: 162). Находятся и другие аргументы в пользу влияния Марциана Капеллы на Боэция: это и возможное развитие Боэцием некоторых новаций Марциана Капеллы в области метрики (Shanzer 1986a: 32), и лексические параллели (Chadwick 1981: 235, 297), и некоторые сюжетные мотивы (Shanzer 1986a: 38–41). В нашей статье мы, обратившись к анализу двух эпизодов первой книги «Утешения философией», попробуем выдвинуть дополнительные аргументы в пользу того, что произведение Марциана Капеллы могло стать одним из литературных образцов для Боэция.

Первый из интересующих нас эпизодов – явление Философии Боэцию (1, 1, 1–6) – заставляет читателя вспомнить аналогичные сцены появлений у Марциана Капеллы в собрании небожителей каждой из семи Дисциплин (Грамматики, §§ 223–230, Диалектики, §§ 328–338, Риторики, §§ 426–439, Геометрии, §§ 580–589, Арифметики, §§ 728–730, Астрономии, §§ 810–813, и Гармонии, §§ 909–910), а также таких аллегорических пер-

¹ ‘In quo (scil. carcere) repositus hos libros per satiram edidit, imitatus videlicet Martianum Felicem Capellam, qui prius libros de nuptiis Philologiae et Mercurii eadem specie poematis conscripserat’ (Peiper 1871: xxxi).

² ‘imitatus est autem martianum partim prosa partim metro eum [scil. librum – Ю. Ш.] componens’ (Peiper 1871: xxxiii).

³ Ср. Ukolova 1987: 89; von Albrecht 2002: 1858.

сонажей, как Предусмотрительность, Справедливость, Умеренность, Сила и Философия (§§ 127–131). Несмотря на то, что в римской и греческой литературе до Боэция нет недостатка в сценах, описывающих явление сверхъестественных и аллегорических фигур⁴, можно, на наш взгляд, показать, что именно Марциан Капелла послужил здесь для Боэция важным литературным образцом. Во-первых, отметим, что композиционная роль этого эпизода в «Утешении» полностью соответствует роли эпизодов появления Дисциплин в каждой из книг 3–9 «Бракосочетания Филологии и Меркурия». И у Марциана Капеллы, и у Боэция пространному монологу аллегорического персонажа, составляющему основное дидактическое содержание произведения, предшествует сцена его появления, за которой следует подробное описание его внешности и атрибутов. Во-вторых, само описание, как нетрудно увидеть, строится по той же самой схеме, что и сцены появления аллегорических персонажей в «Бракосочетании Филологии и Меркурия», где обычно соблюдается, с некоторыми вариациями, следующий порядок:

(1) предваряющая сцена

(обычно диалог в прозе, §§ 221–222, 326, 567–569, 725–272, 806–809, или описанная в стихах сцена в совете богов, §§ 425, 907–908);

(2) формула перехода

Dum haec igitur Musae... interserunt, § 127; *Sed dum talibus perturbatur... plebs deorum*, § 426; *Quae dum geruntur*, § 728;

---

⁴ В качестве литературных прецедентов для соответствующей сцены у Боэция исследователи называли, в частности, явление Афины Ахиллу в первой книге «Илиады» (И. 1, 194–200), явление воплощенных в женском образе Порока и Добродетели перед Гераклом в притче Продика (Хен. Мем. 1, 27, 21–33), явление «женщины в белых одеждах» перед Сократом в платоновском «Критоне» (Plato, Crit. 44a), явление Африки Курцию Руфу в рассказе Плиния (Plin. Ep. 7, 27, 2; ср. Тас. Ann. 11, 21, 2) и явление Церкви в образе старой женщины в «Пастыре Гермы» (Hermae Pastor 1, 2) (Gruber 1969; Courcelle 2001: 542, 576–577; Curtius 2013: 101ff). Важным образцом для сцен эпифании у Марциана Капеллы и Боэция могла также послужить, на наш взгляд, сцена явления Исиды Луцию в «Метаморфозах» Апулея (11, 3–5), имеющая несомненное структурное сходство с интересующими нас эпизодами из «Бракосочетания Филологии и Меркурия» и «Утешения философии».

(3) появление персонажа**(4) описание внешности, причем обычно подчеркивается****(а) величественный вид и почтенный возраст**

aetate quidem longaevam, § 223 (о Грамматике); *cui quaedam maiestas nobilissimae vetustatis... renidebat*, § 728 (об Арифметике); *ecce quaedam sublimissimi corporis ac fiduciae grandioris*, § 426 (о Риторике);

(b) взгляд и черты лица

acri admodum visu et vibrantibus continua mobilitate luminibus, § 328 (о Диалектике); *vultus etiam decore luculenta*, § 426 (о Риторике);

(с) одежда и украшения

subarmalis autem vestis illi peplo quodam circa umeros involuto Latiariter tegebatur, quod omnium figurarum lumine variatum cunctorum schemata praeferebat; pectus autem exquisitissimis gemmarum coloribus balteatum, § 426 (о Риторике); *amictamque laevorsum peplo, in quo siderum magnitudines et meatus, circulatorum mensurae conexionesque vel formae, umbra etiam telluris in caelum quoque perveniens... videbatur*, § 580 (о Геометрии); *huius autem multiplicem plurimiformemque vestem quoddam velamen, quo totius naturae opera tegebantur, abdiderat*, § 729 (об Арифметике);

(5) атрибуты персонажа

in laeva quippe serpens gyris immanibus involutus, in dextra formulae quaedam florentibus discolora venustate ceris sollerter effigiatae latentis hami nexu interius tenebantur..., § 328 (о Диалектике); *radium dextera, altera sphaeram solidam gestitantem*, § 580 (о Геометрии); *gestabat in manu cubitalem fulgentemque mensuram, in alia librum, in quo praemetata divum itinera et cursus recursusque siderei... apparebant*, § 811 (об Астрономии); *dextra autem quoddam gyris multiplicibus circulatum et miris ductibus intertextum velut clipeum gestitabat... laeva autem virginis quamplures ex auro assimilatae parvaeque effigies theatralium voluptatum religatae aequae pendebant*, § 909 (о Гармонии).

Далее обычно описываются манеры и поведение персонажа и удивленная реакция небожителей, часто не способных узнать очередную Дисциплину (ср. §§ 228, 331–333, 729), после чего последняя приступает к изложению своей науки.

Многие из этих элементов, причем в том же самом порядке, мы находим в сцене появления Философии у Бозция:

(1) предваряющая сцена

стихотворное вступление в элегическом размере, описывающее бедственное положение Боэция (*Carmina qui quondam...*)

(2) формула перехода

Haec dum tecum tacitus ipse reputarem...

(3) появление персонажа

astitisse mihi supra verticem visa est mulier...

(4) описание внешности, почтенного возраста, одежды

reverendi admodum vultus, oculis ardentibus et ultra communem hominum valentiam perspicacibus, colore vivido atque inexhausti vigoris...

quamvis ita aevi plena foret ut nullo modo nostrae crederetur aetatis...

Vestes erant tenuissimis filis subtili artificio indissolubili materia perfectae... quarum speciem... caligo quaedam neglectae vetustatis obduxerat... Harum in extremo margine Π graecum, in supremo vero Θ legebatur...

(5) атрибуты персонажа

Et dextra quidem eius libellos, sceptrum vero sinistra gestabat

Отметим особенное внимание Боэция к символике одежды персонажа, содержащей, как и одежды Дисциплин у Марциана Капеллы, зашифрованные указания на содержание ее учения (Π – практическая философия, Θ – теоретическая), а также иерархию его составных частей (*inter utrasque litteras in scalarum modum gradus quidam insigniti videbantur, quibus ab inferiore ad superius elementum esset ascensus*). Упомянутые Боэцием «ступени» (*gradus*) заставляют вспомнить «ступени» в прическе Диалектики, символизирующие «ступени» безупречных силлогизмов⁵ (*cui crines tortuosi decentique inflexione crispatis et nexiles videbantur, qui tamen deducti per quosdam consequentes gradus ita formam totius capitis circulabant, ut nihil deesse cerneret, nihil superfluum detineret*, § 328), а также, в некоторой степени, иерархическую эманацию чисел из головы Арифметики (§ 728). Наконец, можно отметить, что сам язык аллегорическо-повествовательной части «Утешения» весьма близок языку соответствующих разделов сочинения Марциана Капеллы: об этом свидетельствует, в частности, обилие как там, так и здесь

⁵ Ср. Ferré 2007: 68.

распространенных сложноподчиненных предложений; много-слобие и тавтология (*querimoniamque lacrimabilem, discretionis ambiguae, summi verticis cacumine, respicientiumque hominum... intuitum, imperiosae auctoritatis*); изобилие эпитетов (*Vestes erant tenuissimis filis subtili artificio indissolubili materia perfectae...*). Явный контраст между таким слогом и трезвым, сдержанным языком, которым пользуется Боэций в дидактической части «Утешения», столь же очевиден, как и языковой контраст между аллегорическими и «техническими» разделами «Бракосочетания Филологии и Меркурия». Подобная стилистическая неоднородность у Боэция – одна из характернейших особенностей менипповой сатиры вообще – также может быть, по крайней мере отчасти, вдохновлена примером Марциана Капеллы.

Второй эпизод, на котором мы бы хотели остановиться, также относится к началу первой книги «Утешения» (1, 2–4). Философия, которую Боэций сперва оказывается не способен опознать (*Agnoscis me? Quid taces?*), призывает его к мужеству и приводит в пример мудрецов давнего и недавнего прошлого, невозмутимо претерпевавших жизненные невзгоды. Заметив, что Боэций продолжает лить слезы и сетовать на судьбу, Философия обращается к нему со следующими словами: *Sentisne, inquit, haec atque animo illabuntur tuo an onos luras? Quid fles, quid lacrimis manas? Ἐξάβδα, μὴ κεύθε νόω*⁶, после чего Боэций начинает долгий рассказ о бедах и несправедливостях, которые ему пришлось претерпеть и которые привели его к печальному заточению в темнице. Д. Шанзер (Shanzer 1986a: 38–41; Shanzer 1986b: 275–280) обращает внимание на определенную тематическую близость этого эпизода, с одной стороны, с двумя эпизодами из шестой и восьмой книг «Бракосочетания Филологии и Меркурия», где Автор вступает в шуточные препирательства с Сатирой⁷, а с другой стороны – с несколькими дошедшими до нас фрагментами менипповой сатиры Марка Теренция Варрона, озаглавленной Ὀνος λύρας⁸. В эпизоде из шестой книги «Бракосочетания» Автор признается в своей неспособности узнать двух появляющихся в собрании богов

⁶ «Выскажи, не таи в уме» – слова Фетиды, обращенные к Ахиллу (Π. 1, 363).

⁷ P. 287.9 ff. Dick (= p. 203, §§ 576–577 Willis), p. 425.20 ff. Dick (= p. 305, §§ 806–807 Willis).

⁸ Fr. 349, 350 Bücheler.

«изысканнейших женщин» (*electissimae feminarum*), которые впоследствии оказываются Философией и Воспитанием (*Paedia*). За это Сатира обвиняет Автора в тупоумии (*Arcadicum ac Midinum sapis*), вызванном, по ее мнению, излишним усердием на юридическом поприще (*desudatio curaque districtior forensis rabulationis partibus illigata*), притупляющим его способности к более высоким занятиям (*aciem industriae melioris*). В восьмой книге Сатира вновь обрушивается с упреками на Автора за то, что тот ввел в повествование фривольный рассказ о выходках пьяного Силена, и призывает его сохранять благопристойность и торжественный тон в ожидании учнейшей девы Астрономии: *νὶ ὄνος λύρας, καιρὸν γυνῶθι*. Сопоставляя указанные эпизоды с двумя фрагментами варроновской сатиры Ὀνος λύρας (fr. 349 Bücheler: *si quis μελοδεῖν δεινός ἐστ' ὄνος λύρας, / praesepibus se retineat forensibus*; fr. 350 Bücheler: *quibus suam delectet ipse amusiam / et aviditatem speribus lactet suis*), Шанзер замечает здесь несколько общих мотивов: во-первых, и у Марциана Капеллы, и у Боэция персонаж, от лица которого ведется повествование, в какой-то момент оказывается неспособен узнать аллегорически воплощенную Философию; во-вторых, во всех трех случаях герой сравнивается с ослом; в-третьих, во всех трех случаях занятия философией противопоставляются судебной или политической карьере. Из этого делается вывод: и Марциан Капелла, и Боэций, вероятно, переработали, каждый на свой лад, один и тот же эпизод сохранившейся лишь в нескольких фрагментах сатиры Варрона и, следовательно, их сочинения могут быть привлечены для частичной реконструкции содержания последней.

С аргументацией Шанзер можно, на наш взгляд, согласиться лишь отчасти. Наиболее ценным здесь представляется наблюдение о присутствии у Варрона и Марциана Капеллы противопоставления мусических занятий пошлomu времяпрепровождению «ослов на форуме». Тематическая общность, лексические параллели (*praesepibus forensibus* у Варрона и *forensis rabulationis* у Марциана Капеллы), а также не мотивированное контекстом упоминание о судебной карьере автора действительно может косвенным образом указывать на воспроизведение в данных эпизодах некоторых мотивов варроновской Ὀνος λύρας. Такое предположение кажется еще более вероятным в свете несомненного влияния сочинений Варрона как на

литературное оформление (ср. Stahl 1971: 71), так и на энциклопедическое содержание «Бракосочетания»⁹.

Можно ли, однако, считать столь же вероятным отражение тех же варроновских мотивов в упомянутом эпизоде «Утешения философией» (1, 2–4)? Доказательств этому, на наш взгляд, недостаточно. Само по себе упоминание о философском воспитании и политической карьере Боэция (которые здесь к тому же скорее логически связываются, чем противопоставляются: Боэций вступает на общественное поприще, пытаясь претворить в жизнь учение Платона о правителях-философах) представляется здесь неизбежным вследствие автобиографического содержания «Утешения» и никак не может свидетельствовать о воспроизведении каких-либо варроновских мотивов. И во всех прочих отношениях мы находим гораздо более сходств между текстами Марциана Капеллы и Боэция, чем между любым из них и Варроном – в той, конечно, мере, в какой мы можем судить о содержании почти не сохранившейся сатиры. И у Марциана Капеллы, и у Боэция весьма распространенный в античности фразеологизм *ὄνος λύρας*¹⁰ употребляется женской аллегорической фигурой (Сатирой и Философией соответственно) в язвительном обращении к Автору; в то же время у Варрона неизвестный нам персонаж употребляет это выражение в третьем лице, отвлеченно критикуя некую категорию людей, лишенных вкуса к музыке – очевидно, в ее возвышенно-пифагорейском понимании¹¹. Мог ли Варрон, подобно Марциану Капелле и Боэцию, вложить интересующие нас реплики в уста аллегорического персонажа (например, Философии или Гармонии)? Полностью отвергнуть такое предположение нельзя¹², однако другой фрагмент той же сатиры (fr. 359 Bücheler: *iurgare coepit dicens: quae scis atque in uulgum uulgas artemque expromis inertem*), указывающий, согласно убедительной

⁹ Ср. упоминания о Варроне и ссылки на него в четвертой (§ 335), шестой (§§ 578, 639, 662), восьмой (§ 817) и девятой (§ 928) книгах «Бракосочетания Филологии и Меркурия».

¹⁰ О значении и происхождении выражения см. Levinskaya (Akhunova) 2017.

¹¹ Fr. 349, 350 Bücheler.

¹² В сохранившихся фрагментах менипповой сатиры «Эвмениды» Варрона упоминаются такие аллегорические персонажи, как Veritas (fr. 141 Bücheler), Existimatio (fr. 147 Bücheler), а также Poenae, одна из которых — Infamia (fr. 123 Bücheler).

реконструкции Ж.-П. Себа, на пересказанный характер диалога между сторонником и противником музыкального искусства (приведенная реплика, по реконструкции Себа, принадлежит последнему), предполагает, очевидно, совершенно иной характер беседы, нежели в диалогах Марциана Капеллы с Сатирой и Боэция с Философией. Присутствие общего для Марциана Капеллы и Боэция мотива «узнавания/неузнавания Философии» в сатире Варрона также остается недоказанным. В то же время можно обратить внимание и на еще одно сходство между упоминаемыми эпизодами у Марциана Капеллы и Боэция: уподобив своего собеседника «ослу перед лирой» (*ὄνος λύρας*), аллегорический персонаж в обоих случаях тут же употребляет еще одно греческое выражение, содержащее в себе форму императива (*καὶρὸν γυνῶθι* у Марциана Капеллы, *Ἐξάυδα, μὴ κεῖθε νόω* у Боэция), каковому приказанию собеседник в обоих случаях впоследствии охотно подчиняется. Не воспроизводит ли здесь Боэций особенно запомнившуюся ему сцену из «Бракосочетания Филологии и Меркурия»? Приведенные выше аргументы заставляют, на наш взгляд, считать такое предположение более вероятным, чем реконструкцию, предложенную Шанзер.

Литература

- Boethius 2005: *De consolatione philosophiae. Opuscula theologica*. Ed. C. Moreschini. München und Leipzig.
- Martianus Capella*. Ed. J. Willis. Leipzig 1983.
- Petronii saturaе, adiectae sunt Varronis et Senecae similesque reliquiae*. Ed. F. Bücheler. Berlin 1922.
- von Albrecht, M. 2002: *Istorija rimskoy literatury* [*Geschichte der Römischen Literatur*]. Moscow.
- фон Альбрехт, М. 2002: *История римской литературы*. Перевод с немецкого А. И. Любжина. М.
- Cèbe, J.-P. 1990: *Varron, satires ménippées*. Édition, traduction et commentaire. 9. Nescis quid vesper serus vohat – Papia Papae. Rome.
- Chadwick, H. 1981: *Boethius: the Consolations of Music, Logic, Theology and Philosophy*. Oxford.
- Courcelle, P. 1967 : *La consolation de Philosophie dans la tradition littéraire. Antécédents et postérité de Boèce*. Paris.
- Courcelle, P. 2001 : *Conosci te stesso: Da Socrate a San Bernardo*. Milano.
- Curtius, E. R. 2013. *European Literature and the Latin Middle Ages*. Translated by Willard R. Task. Princeton.
- Ferré, M. 2007: *Martianus Capella. Les Noces de Mercure et Philologie*. Livre IV: la dialectique. Paris.

- Gruber, J. 1969: Die Erscheinung der Philosophie in der Consolatio Philosophiae des Boethius. *Rheinisches Museum für Philologie* 112, 166–186.
- Gruber, J. 2006: *Kommentar zu Boethius, 'De consolatione philosophiae'*. Walter de Gruyter.
- Levinskaya (Akhunova), O. 2017: The Ass and the Lyre: On a Greek Proverb. In: *From Ancient manuscripts to Modern Dictionaries. Select Studies in Aramaic, Hebrew and Greek*. Gorgias Press, 413–421.
- Pabst, B. 1994: *Prosimetrum: Tradition und Wandel einer Literaturform zwischen Spätantike und Spätmittelalter*. Cologne, Weimar and Vienna.
- Peiper, R. (ed.) 1871: *Ancii Manlii Severini Boetii philosophiae consolationis libri quinque, accedunt eiusdem atque incertorum opuscula sacra*. Lipsiae.
- Shanzer, D. 1986a: *A Philosophical and Literary Commentary on Martianus Capella's De Nuptiis Philologiae et Mercurii*. Book 1. Berkeley, Los Angeles.
- Shanzer, D. 1986b: The Late Antique Tradition of Varro's 'Onos Lyras'. *Rheinisches Museum für Philologie* 129, 272-285.
- Stahl, W. H. 1971: *Martianus Capella and the Seven Liberal Arts, I, The Quadrivium of Martianus Capella. Latin Traditions in the Mathematical Studies 50 BC – AD 1250*. New York.
- Ukolova, V. I. 1987: «*Posledniy rimlyanin*» Boetsiy. [«*The Last Roman*» Boethius]. Moscow.
- Уколова, В.И. 1987. «*Последний римлянин*» Боэций. М.

Yu. A. Shakhov. The Consolation of Satire: Martianus Capella as a literary source for Severinus Boethius

The paper presents some arguments that may prove literary influence of Martianus Capella's allegorical encyclopedia 'De nuptiis Philologiae et Mercurii' upon Severinus Boethius' 'De consolatione Philosophiae'. Two episodes of 'De consolatione' come under examination. The first of them, the apparition of Philosophia in the opening scene of Book I, is shown to have close parallels with epiphanic scenes in Martianus Capella's 'De nuptiis'. The second episode, also from Book I of 'De consolatione', in which Philosophia compares Boethius to 'the ass with the lyre' (ὄνος λύρας), was probably inspired with a dialogue between the Author and Satire in Book VIII of 'De nuptiis'.

Keywords: Martianus Capella, 'De nuptiis Philologiae et Mercurii', Boethius, 'De consolatione philosophiae', Marcus Terentius Varro, Menippean satire, allegory.